

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СИНТАКСИСЕ АКАДЕМИКА ПРЕДРАГА ПИПЕРА

Анализируется синтаксическая концепция академика Предрага Пипера. Рассматриваются предпосылки формирования теории семантического синтаксиса и вклад, который внес в нее известный сербский ученый. Особое внимание уделено коммуникативным категориям, в том числе таким, которые находятся на этапе неполной грамматикализации (оптативу, эксцессиву, дистрибутиву и др.).

Ключевые слова: Предраг Пипер, семантический синтаксис, предикатно-актантная структура, семантическая роль, падежные формы.

This paper analyses Predrag Piper's syntactic conception. Preconditions for semantic syntax formation and contribution to it by famous Serbian scholar are also considered. Special attention is paid to communicative categories, including those in the phase of incomplete grammaticalisation (optative, excessive, distributive, etc.).

Keywords: Predrag Piper, semantic syntax, predicate-actant structure, semantic role, case forms.

Введение

Начиная с 70-х годов прошлого века, в исследованиях грамматики славянских языков формируется новое направление, которое можно было бы назвать **семантическим синтаксисом**. Объектом его становится способность синтаксических структур воплощать в себе и передавать когнитивную информацию: знания о мире, пропущенные через языковое сознание языкового коллектива. Семантический синтаксис начал вызревать еще в недрах генеративной грамматики, потому что один из основных ее методов – трансформационный анализ – включал в себя тест на семантическую идентичность исходной и преобразованной структур. Свою лепту в формирование концептуального аппарата семантического синтаксиса внесла логико-психологическая школа: такие понятия, как субъект, объект, адресат, инструмент, пропозиция, модальность и т.п. использовались филологами уже в XIX веке. Наконец, когнитивное направление в языкознании, выделившееся в конце XX века и во многом развивавшееся в оппозиции к генеративной грамматике, ставило своей целью глубокий анализ референтной ситуации, ее денотативного представления и семантики участвующих в этом языковых единиц. Это тоже помогало вычленить и описать как содержание синтаксических моделей (языковых образцов предложения), так и набор их составляющих – актантов, своего рода мыслительных операторов, которые в своей совокупности превращают фрагмент действительности в смысл речевого сообщения.

К развитию синтаксической теории

Здесь прежде всего следует отметить заслуги советских и чехословацких (если говорить о конце XX века) лингвистов. Отмечу важнейшие вехи на этом пути.

Т.П. Ломтев, развивая идеи И.И. Мещанинова, разработал понятие синтаксической позиции (Ломтев 1958: 28–56), а А.А. Холодович – понятие конфигурации (Холодович 1979: 233–243); в обоих случаях мы имеем дело с методологическими прекурсорами предикатно-актантных структур. Г.А. Золотова предложила типологию элементарных единиц синтаксического уровня – синтаксем – и составила их инвентарь (Золотова 1973; Золотова 1988). Близка к ее теоретическим воззрениям концепция М.В. Всеволодовой (Всеволодова 2000). В коллективных грамматиках под редакцией Н.Ю. Шведовой (Шведова 1970; Шведова 1980) русский синтаксис предстал в первую очередь как система моделей предложений. З.Д. Попова привязала употребление структурных схем к обслуживанию разных «синтаксических концептов» (Попова 2000). Ю.Д. Апресян с сотрудниками довел до высокой степени детализации инвентарь семантических ролей, приписываемых лексемам (Апресян 2010: 370–377). Можно было бы в этом ряду назвать также имена Ю.С. Степанова, В.В. Богданова, И.П. Распопова, Л.Н. Мурзина и др.

Яркий след в истории славянской синтактологии оставили чешские и словацкие ученые – Я. Бауэр, Ф. Данеш, П. Адамец, Р. Мразек, Р. Зимек, М. Кубик, М. Грель, Я. Светлик, Х. Беличова (Кржижкова) и др. (обзоры см.: Мразек 1990: 8–24; Рылов 2015; Гладкова 2016: 157–190; Skwarska, Kaczmarek 2016: 13–25). Синтаксис как система структурных основ предложения был представлен и в пражской «Русской грамматике» (Barnetová 1979). В том же духе типология предложения излагается в вузовских грамматиках чешского языка (Šechová 1996; Grepl, Karlík 1998 и др.). Законы валентности и сочетаемости лексем продолжают изучаться в трудах П. Карлика, Я. Паневовай, Ф. Чермака и Я. Голуба и др.

Если говорить о других славянских странах, то в Польше инициатором исследований в области семантического синтаксиса был С. Кароляк, в Беларуси этими проблемами занимались В.В. Мартынов и А.Е. Михневич, в Украине – И.Ф. Андерш и И.Р. Выхованец, в Словении – А. Видович-Муха и А. Желе и т.д.

Конечно, исследования в том же направлении велись и за пределами славянского мира. Назову здесь хотя бы хорошо известные имена Л. Теньера, Й. Эрбена, Г. Хельбига, Ч. Филлмора, У. Чейфа, Р.В. Лангакера, А. Мустайоки. По сути, все исследования, в которых слово *синтаксис* сопровождалось определениями *функциональный* или *когнитивный*, находились и продолжают находиться в русле семантического синтаксиса.

О синтаксическом наследии академика П. Пипера

Недавно ушедший от нас академик Предраг Пипер внес большой вклад в развитие грамматической теории на материале славянских языков. Дальнейшее изложение будет основываться главным образом на основополагающей части в капитальном коллективном труде (Ивић 2005). На титульном листе книги ука-

зано имя главного редактора – академика Милки Ивич, но, по ее собственному признанию, общая организация, составление тома, а также львиная часть текста принадлежит Предрагу Пиперу, это его детище. Кроме того, будут учтены другие работы: коллективная монография (Пипер 2009), два сборника статей ученого (Пипер 2012; Пипер 2014) и отдельные журнальные публикации.

Разработка идей семантического синтаксиса потребовала решения целого ряда теоретических проблем. И первая из них – это **положение предложения в системе координат «язык – речь»**. Эта проблема в XX веке занимала лингвистов разных стран и направлений: В. Матезиуса, А. Гардинера, Э. Бенвениста, П.С. Кузнецова, В.А. Звегинцева и др. В книге сербских ученых она освещается уже во Введении. Здесь говорится: «Предложение (*реченица*) – минимальная языковая единица, которая может иметь самостоятельную коммуникативную функцию», а высказывание (исказ) – его проявление, речевой репрезентант (Ивић 2005: 25). В этих толкованиях следовало бы подчеркнуть определения *языковой* и *речевой*. Предложение становится высказыванием только в процессе актуализации, что предполагает включение единицы в конкретный контекст, придание ей модальности, прагматической нацеленности, темо-рематической перспективы и т.д. Иллюстрируется это довольно неожиданным примером: сегмент «*Он зовет*» *je реченица* не является высказыванием, а сегмент *Он зовет* – это не просто предложение, но и высказывание, произнесенное с определенной коммуникативной целью (Там же). Можно, конечно, возразить: и сегмент «*Он зовет*» *je реченица* может выступать как высказывание, если он произносится в определенных (например, дидактических) условиях: там он имеет иллюкативную мотивацию. Но сам пример отсылает нас к интереснейшей теме «псевдо-высказываний» (Норман 2005).

Вторая кардинальная проблема, стоявшая перед авторским коллективом, – это изучение механизмов речевой деятельности и характера их «привязанности» к языковым единицам. В частности, ученых издавна интересовала **роль разных частей речи в процессах производства и восприятия текста**. Что важнее: имя существительное с его номинативной, классифицирующей, номенклатурной функцией, ориентированной на предмет, на денотат, или же глагол – с его организационной ролью, охватывающей ситуацию? Другими словами, кто важнее в речевом «спектакле»: актеры или режиссер (если использовать образные термины Люсьена Теньера)? Синтаксисты, психолингвисты, лингводидактики дают разные ответы на этот основополагающий вопрос – так сказать, по принципу «кому какой ответ выгоден». Но сербской лингвистике нужно было самостоятельно решить эту проблему.

Предикатно-актантная структура и ее свойства

Функциональный подход к предложению как к сложному синергетическому целому привел в XX веке к разработке теоретического понятия предикатно-актантной структуры, одного из краеугольных камней семантического синтаксиса. Не обошел эту проблематику и П. Пипер. Продолжая идеи своих сербских коллег М. Ивич и М. Стевановича, П. Пипер обогатил учение о высказывании и предикате как его организующем центре. Предикат, по Пиперу, это «**консти-**

тутивный член предложения» (Ивић 2005: 301). И даже в речевых ситуациях, когда он опускается (то есть происходит эллипсис), имеющиеся в наличии члены позволяют мысленно восстановить структуру высказывания. То же касается безглагольных предложений с «презентативами» *evo, eno, eto*, например: *Ауто! Овамо! Ево аутобуса!* (Ивић 2005: 308).

Предикаты делятся на синтетические (это глагольные: *Он спава*) и аналитические (с именной частью и глаголом-связкой или полузнаменательным вспомогательным глаголом: *Он почиње преговоре*). Среди вспомогательных глаголов рассматриваются модальные и фазовые лексемы. А в качестве неглагольной части аналитического предиката может выступать не только существительное, но и прилагательное, наречие, предложно-падежная форма. Замечу, что в русском языкознании весь этот разнородный материал покрывается термином «именная часть сказуемого».

Кроме того, выделяются случаи сложных предикатов, объединяющих в себе несколько глаголов, неполнозначных или полнозначных. Особого внимания заслуживают южнославянские глагольные конструкции с союзом *да*. Некоторые из них (когда оба глагола относятся к одному грамматическому лицу) следовало бы трактовать как сложные сказуемые: *Они настављају да се препиру*. Другая часть *да*-конструкций определяется как сложные предложения, ибо каждый из глаголов образует свою предикатную вершину: *Чекам вече да и мени сване*. Ситуация осложняется еще и тем, что зависимая форма с *да* может быть заменена инфинитивом: *Нећу да дођем = Нећу доћи* (Ивић 2005: 324–325).

Очень интересны наблюдения П. Пипера над сложными предикатами без вспомогательных частей. Имеются в виду конструкции с повтором глагола и сочинительной связью, типа *Она плива ли плива; Она плива па плива; Пливај, ти, само пливај*; с переходом в область сложных предложений: *Што се мора – мора се; Што треба рећи – то треба рећи* (Ивић 2005: 329–330). В русском языкознании уже с середины прошлого века исследуются так называемые фразеологизованные структурные схемы, основанные на лексическом повторе (не обязательно глагольном): *Любить так любить; Читай не читай; Хочешь не хочешь, а...; Вот дурак так дурак; Праздник не в праздник* и т.п. (см., в частности: Копотев, Стексова 2016). Их синтаксическая трактовка затруднена, но фразеологизованность модели позволяет воспринимать их как единое целое, не обращая внимания на синтаксические отношения между их составляющими.

Выбор говорящим предиката как вершинной позиции синтаксической структуры означает одновременно моделирование отражаемой ситуации и составляющих ее функциональных участников (аргументов, или «глубинных падежей» – таких, как агенс, объект, инструмент, место и т.д.). Применительно же к глаголу это означает определение его «валентности», т.е. набора обязательных синтаксических партнеров (см.: Skwarska, Kaczmarek 2016).

Актуальная для всех синтаксистов проблема – это количественное и качественное **исчисление семантических ролей**, т.е. составление полного и непротиворечивого списка аргументов. Мнения ученых здесь сильно расходятся. У В.В. Богданова на материале разных языков выделяются 14 «семантических функций» (Богданов 1977: 52–55). Чешский русист Р. Зимек предлагает спи-

сок из 20 аргументов: агенс, пациенс, поссиденс, посессум, дескриптум, классификатум, бенефициенс, перципиенс, перцептум, объект, результат, содержимое, композитум, происхождение (материал), операнс, инструмент, средство, стихийная сила, локализатор, ономасиатив (называние собственным именем) (Zimek 1980: 150–151). Но и это не предел дробления: в работах представителей Московской семантической школы число семантических ролей превышает 50 (Апресян 2010: 370–377). Причем ясно, что каждая роль должна идентифицироваться и верифицироваться языковыми данными. Скажем, если мы различаем такие аргументы, как инструмент и средство или дату и момент, то должны найтись в речи такие признаки (лексические, морфологические, позиционные, трансформационные и т.п.), которые убедительно это подтвердят. «Синтаксис» под редакцией М. Ивич пренебрегает такими деталями и предпочитает наиболее общие семантические аргументы – такие, как субъект, объект, адресат и инструмент. Зато за пределами этих четырех функций здесь представлены широкие категории предикативного атрибута, предложных дополнений и определений обстоятельственного характера. В (Пипер 2009: 483–491) ассортимент аргументов расширен: здесь рассматриваются также медиатив (*друштво*), локатив, темпоратив, концессив (уступка), партитив и др.

В рамках одного предложения предикат, по мнению авторов «Синтаксиса», допускает наличие от нуля до четырех аргументов. Например, в предложении *Петар пише писмо пријатељу наливпером* представлены 4 участника ситуации: субъект, объект, адресат и инструмент (Ивић 2005: 526; ср.: Пипер 2009: 468–470). При этом, правда, возникает вопрос о том, равноправны ли эти участники в плане коммуникативной востребованности (обычно ситуация в глазах говорящего ограничивается тремя участниками). Но важно, что роли этих участников выполняются, как правило, именами существительными в различных падежах.

О формальном выражении семантических ролей

В «Синтаксисе» представлена подробная система функциональной нагрузки падежей сербского языка. Напомню, что еще до этого те же исследовательские задачи ставили перед собой лингвисты в других славянских странах: есть целый ряд работ, посвященных функциональной нагрузке отдельных падежей; назову только некоторые: (Бернштейн 1958; Станишева 1966; Заичкова 1972; Золотова 1988; Lesz-Duk 1995 и др.).

Весьма важно, что наряду со «свободными» (самостоятельными) падежными формами в качестве полноправных носителей синтаксических значений рассматриваются формы «связанные» – это сочетания существительных с предлогами. Скажем, форма аккузатива в сочетании с предлогом *за* в сербском языке может выражать значение объекта заинтересованности: *боји се за сина*; та же форма с предлогами *уз*, *кроз* – значение локализации: *провукао се кроз ограду*; а с предлогами *у* и *на* – темпоральное значение: *имаћемо час у среду*. Замечу, что этих значений нет у беспредложного аккузатива. Так получает свою реализацию идея Ежи Куриловича о «круговом аффиксе», представленном в составе предложно-падежных форм имени. Польский ученый считал, что в подобных случаях мы имеем дело с «морфемой двусоставной, состоящей из предлога как

главной субморфемы и падежного окончания как второстепенной субморфемы, подразумеваемой главной субморфемой» (Kuryłowicz 1987: 181).

Причем сочетаемость предлога с существительными ограничена лексическим значением последних. Понятно, что даже вне контекста словоформы *у среду, у ограду, у службу, у другарицу* воспринимаются как носители разных смыслов. Это – селективная грамматика, или комбинаторика, которая очень хорошо дает о себе знать при сопоставлении материала разных языков. Так, при выражении инструментальных значений, когда речь заходит о транспортном средстве, каждый славянский язык выбирает свои предложно-падежные формы, ср. серб. *возом, аутом, таксијем...*, словен. *z vlakom, z taksijem, z avtom...*, рус. *на поезде, на машине, на такси, на самолете...* О лексической обусловленности грамматических правил говорят и разные способы выражения социативной функции в случаях типа сербского *Јанез и ја, Минка и ја* и русского *Мы с Иваном, мы с Маней* (Пипер 1999: 162).

По сути, не только каждый лексико-семантический подкласс слов «предрасположен» к выполнению определенной синтаксической функции, но и каждая функция (или «семантическая роль»), со своей стороны, проецируется в сознании носителя языка на определенный лексико-семантический класс. Этой глубинной взаимосвязи находится в речевой практике бесчисленное множество примеров (см., например: Норман 2007), а Ю.Н. Караулов, опираясь на данные ассоциативных экспериментов, вообще утверждал: «Грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам...» (Караулов 1993: 6).

Основные коммуникативные категории

Описание простого предложения в направлении «от содержания к форме» (это центральная часть «Синтаксиса», более 400 страниц) – удачная реализация идей «активной грамматики» (по квалификации русского ученого Л.В. Щербы). Речь идет о механизмах порождения высказывания, соотносящих референтную ситуацию с ментальным опытом и интенциями говорящего. Соответственно, в круг внимания ученого попадают такие «антропоцентрические категории», как персональность, диатеза (агенсно-пациенные отношения), модальность, вокативность (специфическая для сербского языка категория), императивность, интеррогативность, посессивность, социативность, инструментальность. Отдельные «категориальные комплексы» составляют локализация (пространственность), темпоральность, каузативность, а также квалификативность и квантификация и др. Те же феномены описываются в разделе коллективной монографии «Јужнословенски језици...» (Пипер 2009). Разработка этих функциональных категорий, составляющих, по Пиперу, суть семантического синтаксиса, относится к числу важнейших достижений ученого.

Богатый оригинальный материал содержат разделы «Синтаксиса», посвященные «теличности» (целенаправленности), «мероничности» (меронимии), референциальности/нереференциальности и др. В частности, говоря о категории **целенаправленности**, П. Пипер выделяет 3 ее составляющих: а) жела-

емая ситуация, б) условия для осуществления этой ситуации, в) констатация осуществленной ситуации (Ивић 2005: 803). В частности, пример типа *Они су дошли ради помирења* означает: а) они желают примирения, б) для этого нужно было прийти, в) они пришли. Это напоминает разложение на семантические примитивы при анализе падежных конструкций у Анны Вежбицкой (Вежбицкая 2011: 267–301 и др.).

А систематизируя формальные средства, которые могут выступать для выражения значения цели (предложно-падежные и иные конструкции), ученый обнаруживает множество переходных случаев – когда цель совмещается то с объектом, то с предназначением, то с намерением... Особый интерес вызывает совмещение цели и причины, типа *Отишла је на концерт ради тог певача* – эти две функции сравнительно поздно в славянских языках стали различаться.

Вообще с того времени, как исследователи стали заниматься проблемой инвентаризации, исчисления семантических функций, они сразу же столкнулись со случаями их нейтрализации или совмещения. Это, с одной стороны, – очень интересное подтверждение теории нечетко-множественной природы языка, а с другой стороны, факты, льющие воду на мельницу теории аппроксимации. Оказывается, как говорящего, так и слушающего во многих ситуациях устраивает приблизительное или символическое представление содержания: недостающую часть информации они восполняют из собственного опыта или контекста!

О категории **меронимии** (отражающей соотношение части и целого) П. Пипер говорит как о в недостаточной степени грамматикализованной (Ивић 2005: 947). Варианты типа *Врата на аутобусу била су затворена*, *Врата од аутобуса била су затворена*, *Врата аутобуса била су затворена* показывают, что категория меронимии «имеет явно интерпретационную природу, т.е. дает возможность различного осмысления одной и той же предметной ситуации».

Особые условия реализации меронимии действуют в случае с названиями частей тела. Причем здесь вступают в действие и лексические ограничения, ср.: *Она је танка струка* – *Она је танка у струку*, но: *Она је висока стаса* – **Она је висока у стасу*.

Категория меронимии соотносится с категорией партитивности. И здесь ученый тоже находит немало нового, оригинального. Так, в качестве частного случая партитивности описывается расчлененность субъекта или объекта. Это – предложные конструкции с **дистрибутивным** значением: *На свакој кући нацртао је по двоја врата*. И хотя в языке есть разнообразные средства для того, чтобы обозначить равномерное распределение действия по субъектам или объектам (квантификаторы *сваки* или *ниједан*, наречие *подједнако*, именная конструкция с предлогами *по* или *на* и др. – см. с. 953), говорящий довольно редко к ним прибегает. Это значит, что дистрибутивность не имеет в сербском (и других славянских языках) грамматического характера. Предположим, если мы имеем предложение *Девојке су добиле писма*, то мы не знаем, каждая ли девушка получила письмо (и одно ли?) или все девушки как множественный субъект получили письма как некоторый множественный объект, а детали этого процесса нам неизвестны.

К развитию теории грамматикализации

Вообще теория грамматикализации, ставшая одним из лингвистических трендов на переломе XX и XXI веков (см. работы Х. Лемана, Дж. Байби, Б. Хайне, Г. Дивальд и др.), интересна именно в своей динамической части: показом того, как одни фрагменты информации грамматикализуются в языке раньше (или быстрее), чем другие, а некоторые так и застывают в своем «недограмматикализованном» статусе. Явления паукала, партитива, дистрибутива, концессива и т.п. в славянских языках представляют в данном отношении большой интерес.

Специальные штудии академик Пипер посвятил таким категориям, как оптативность, эксцессивность, эксцептивность и др. Здесь ученый был не только первооткрывателем этих обобщенных семантико-синтаксических функций, но и активным их разработчиком и пропагандистом. Перед нами – языковые феномены сложной природы, в формировании которых сталкиваются интенциональные и формальные факторы.

В частности, большой интерес представляет **категория оптативности** в сербском языке. По мнению П. Пипера, в сербском языке представлены три ирреальных глагольных наклонения: императив, потенциал и оптатив. Причем, хотя грамматикализованность последней граммемы не выражена достаточно явно, «грамматическая отдельность оптатива не может быть оспорена ни в формальном, ни в семантическом, ни в функциональном плане» (Пипер 2014: 126). Ученый описывает и дискурсивные условия реализации оптативных значений (такие жанры речи, как благословение, поздравление, молитва, просьба, проклятие и др.). Его совершенно не смущает то, что данное грамматическое значение (отличное от императивности) чаще всего выражается аналитическими средствами: грамматикализующимися конструкциями из глагола с частицами *нека* и *да*, например: *Камо среће да је она сада овде!*

В штудиях «Об эксцессивности в славянских языках» (Пипер 2014: 183–197) и «Об эксцептивности в сербском и других славянских языках» (Пипер 2014: 198–214) представлен сопоставительный анализ семантики исключительности. Трактовка эксцессива (примеры: *слишком заинтересован*, *недостаточно заинтересован*) производится на фоне компаратива и суперлатива и опирается на интуитивное понимание предела и градуальности. А эксцептивность, сигнализируемая маркерами вроде серб. *само*, осим, рус. *только*, *кроме*, соотносится с рестрикцией и общей квантификацией, что демонстрируется на примерах типа: (*Сва*) *његова деца су болесна осим Мирка*. Выявляются особенности выражения данного значения в простых и сложных предложениях.

Все эти коммуникативные категории – темпоральность, персональность, посессивность, локативность и т.д. – как известно, составляют область интересов функциональной грамматики XX–XXI веков. Напомню, что этим феноменам посвящены две серии коллективных монографий, основанных в России по инициативе профессора А.В. Бондарко. Первая серия называлась «Теория функциональной грамматики» (Бондарко 1987; Бондарко 1990; Бондарко 1991; Бондарко 1992; Бондарко 1996а; Бондарко 1996б). Вторая серия, начатая в 2000 году и продолжающаяся поныне, выходит под общим титулом «Проблемы

функциональной грамматики». Несколько позже в Германии по инициативе профессора Хельмута Яхнова начинает выходить серия коллективных монографий функционально-когнитивной направленности (Jachnow 1994; Jachnow 1999; Jachnow 2001; Jachnow 2005). Так концепция замечательного сербского ученого вписывается в европейский и мировой контекст.

Заключение

Я упомянул только некоторые общие идеи и частные темы, разработкой которых занимался академик Предраг Пипер. Разумеется, сербские коллеги лучше меня смогут оценить новаторство и смелость ученого в решении этих проблем. При этом я не касаюсь в своей статье развития теории и практики сложного предложения, которая представлена во 2-м томе академической грамматики (Пипер 2018). Но и в рамках изучения простых синтаксических структур академик Предраг Пипер оставил нам целостную и вполне современную синтаксическую концепцию, в которой нашли место и специфика сербского языка, и сопоставительно-славянский аспект.

Использованная литература

- Апресян, Юрий Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. Москва: Языки славянских культур, 2010.
- [Aprešiān, Iūrii D. (red.). Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodei'stvie grammatiki i slovariā. Moskva: Iāzyki slaviānskikh kul'tur, 2010]
- Бернштейн, Самуил Б. (ред.). Творительный падеж в славянских языках. Москва: Издательство АН СССР, 1958.
- [Bershtein, Samuil B. (red.). Tvoritel'nyĭ padezh v slaviānskikh iāzykakh. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958]
- Богданов, Валентин В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1977.
- [Bogdanov, Valentin V. Semantiko-sintaksicheskaiā organizatsiā predlozheniā. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1977]
- Бондарко, Александр В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград: Наука, 1987.
- [Bondarko, Aleksandr V. (red.). Teoriā funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaiā lokalizovannost'. Taksis. Leningrad: Nauka, 1987]
- Бондарко, Александр В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990.
- [Bondarko, Aleksandr V. (red.). Teoriā funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. Leningrad: Nauka, 1990]
- Бондарко, Александр В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург: Наука, 1991.
- [Bondarko, Aleksandr V. (red.). Teoriā funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'. Sankt-Peterburg: Nauka, 1991]
- Бондарко, Александр В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. Санкт-Петербург: Наука, 1992.

- [Bondarko, Aleksandr V. (red.). Teoriâ funktsional'noï grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaïa perspektiva vyskazyvaniâ. Opredelennost'/neopredelennost'. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992]
- Бондарко, Александр В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Санкт-Петербург: Наука, 1996а.
- [Bondarko, Aleksandr V. (red.). Teoriâ funktsional'noï grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996a]
- Бондарко, Александр В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Ленинград: Наука, 1996б.
- [Bondarko, Aleksandr V. (red.). Teoriâ funktsional'noï grammatiki. Lokativnost'. Bytiïnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'. Leningrad: Nauka, 1996b]
- Вежбицкая, Анна. Семантические универсалии и базисные концепты. Москва: Языки славянских культур, 2011.
- [Vezhbitskaïa, Anna. Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty. Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011]
- Всеволодова, Майя В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Москва: Издательство Московского университета, 2000.
- [Vsevolodova, Maiïa V. Teoriâ funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000]
- Гладкова, Гана [и кол.]. Библиография по сопоставительному изучению русского и чешского языков. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2016.
- [Gladkova, Gana [i kol.]. Bibliografiâ po sopostavitel'nomu izucheniiu russkogo i cheshskogo iazykov. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2016]
- Заичкова, Ирина. Дателный беспредложный в современном русском литературном языке. Praha: Universita Karlova, 1972.
- [Zaichkova, Irina. Datel'nyi bespredložnyi v sovremennom russkom literaturnom iazyke. Praha: Universita Karlova, 1972]
- Золотова, Галина А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Москва: Наука, 1973.
- [Zolotova, Galina A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo iazyka. Moskva: Nauka, 1973]
- Золотова, Галина А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва: Наука, 1988.
- [Zolotova, Galina A. Sintaksicheskiï slovar'. Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa. Moskva: Nauka, 1988]
- Ивић, Милка (ред.). Синтакса савременога српског језика. Проста реченица. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска, 2005.
- [Ivić, Milka (red.). Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga, Matica srpska, 2005]
- Караулов, Юрий Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993.
- [Karaulov, Iūrii N. Assotiativnaïa grammatika russkogo iazyka. Moskva: Russkii iazyk, 1993]
- Коптев, Михаил В., Стексова, Татьяна И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. Москва: Языки славянской культуры, 2016.
- [Kopotev, Mikhail V., Steksova, Tat'iana I. Iskliūchenie kak pravilo. Perekhodnye edinitiŝy v grammatike i slovare. Moskva: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2016]
- Ломтев, Тимофей П. Основы синтаксиса современного русского языка. Москва: Учпедгиз, 1958.
- [Lomtev, Timofei P. Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka. Moskva: Uchpedgiz, 1958]

- Мразек, Роман. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков: исходные структуры простого предложения. Univerzita J.E. Purkyně v Brně, 1990.
- [Mrazek, Roman. Srovnatel'nyĭ sintaksis slaviānskikh literaturnykh iazykov: iskhodnye struktury prostogo predlozheniā. Univerzita J.E. Purkyně v Brně, 1990]
- Норман, Борис Ю. «Псевдовысказывания: эксперимент или языковая игра?». Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia Slavica X. Nauki humanistyczno-społeczne 374, 2005: 67–82.
- [Norman, Boris Iŭ. «Psevdovyskazyvaniā: ěksperiment ili iazykovaĭ igra?» Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia Slavica X. Nauki humanistyczno-społeczne 374, 2005: 67–82.]
- Норман, Борис. «Участие лексического компонента в синтаксических моделях». Сборник Матице српске за славистику 71–72, 2007: 209–222.
- [Norman, Boris. «Učastie leksicheskogo komponenta v sintaksicheskikh modeliākh». Zbornik Matitše srpske za slavistiku 71–72, 2007: 209–222]
- Пипер, Предраг. «Српска и словеначка граматика у огледалу руске». Славистика III, 1999: 150–167.
- [Piper, Predrag. «Srpska i slovenačka gramatika u ogledalu ruske». Slavistika III, 1999: 150–167]
- Пипер, Предраг (ред.) Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције. Београд: Београдска књига, 2009.
- [Piper, Predrag (red.) Juzhnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije. Beograd: Beogradska knjiga, 2009]
- Пипер, Предраг. Лингвистичка русистика: студије и чланци. Београд: Филолошки факултет, 2012.
- [Piper, Predrag. Lingvistička rusistika: studije i članci. Beograd: Filološki fakultet, 2012]
- Пипер, Предраг. Лингвистичка славистика. Студије и чланци. Београд: Славистичко друштво Србије, 2014.
- [Piper, Predrag. Lingvistička slavistika. Studije i članci. Beograd: Slavističko društvo Srbije, 2014]
- Пипер, Предраг (ред.) Синтакса сложене реченице у савременом српском језику. Нови Сад: Матица српска; Београд: Институт за српски језик, САНУ, 2018.
- [Piper, Predrag (red.) Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku. Novi Sad: Matica srpska; Beograd: Institut za srpski jezik, SANU, 2018]
- Попова, Зинаида Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2000.
- [Popova, Zinaida D. Sintaksicheskaiā sistema russkogo iazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov. Voronezh: Istoki, 2000]
- Рылов, Станислав А. «Актуальные вопросы сопоставительной славянской синтактологии (на материале русского и чешского языков)». Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского № 2 (2), 2015: 518–522.
- [Rylov, Stanislav A. «Aktual'nye voprosy sopostavitel'noi slaviānskoĭ sintaktologii (na materiale russkogo i cheshskogo iazykov)». Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo № 2 (2), 2015: 518–522.]
- Станишева, Дина С. Винительный падеж в восточнославянских языках. София: БАН, 1966.
- [Stanisheva, Dina S. Vinitel'nyĭ padezh v vostochnoslaviānskikh iazykakh. Sofiā: BAN, 1966]
- Холодович, Александр А. Проблемы грамматической теории. Ленинград: Наука, 1979.
- [Kholodovich, Aleksandr A. Problemy grammaticheskoi teorii. Leningrad: Nauka, 1979]
- Шведова, Наталия Ю. (ред.) Грамматика современного русского литературного языка. Москва: Наука, 1970.
- [Shvedova, Nataliĭa Iŭ. (red.) Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. Moskva: Nauka, 1970]

- Шведова, Наталия Ю. (ред) Русская грамматика. Том II. Синтаксис. Москва: Наука, 1980.
[Shvedova, Nataliia Iu. (red) Russkaiā grammatika. Tom II. Sintaksis. Moskva: Nauka, 1980]
- Barnetová, Vilma [et al.] Русская грамматика. 2. Praha: Academia, 1979.
- Čechová, Marie [et al.] Čeština – řeč a jazyk. Praha: ISV, 1996.
- Grepl, Miroslav, Karlík, Petr. Skladba češtiny, Praha: Votobia, 1998.
- Jachnow, Helmut [et al.] (Hrsg.) Modalität und Modus. Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen. Модальность и наклонение. Общие вопросы и реализация в славянских языках. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1994.
- Jachnow, Helmut [et al.] (Hrsg.) Personalität und Person. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1999.
- Jachnow, Helmut [et al.] (Hrsg.) Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2001.
- Jachnow, Helmut [et al.] (Hrsg.) Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2005.
- Kuryłowicz, Jerzy. Studia językoznawcze. Wybór prac opublikowanych w języku polskim. Warszawa: PWN, 1987.
- Lesz-Duk, Maria. Funkcje składniowe rzeczowników w dopełniaczu. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Częstochowie, 1995.
- Skwarska, Karolína, Kaczmarska Elżbieta (eds.) Výzkum slovesné valence v slovanských zemích. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2016.
- Zimek, Rudolf. Sémantická výstavba věty. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1980.

Борис Ј. Норман

О СЕМАНТИЧКОЈ СИНТАКСИ АКАДЕМИКА ПРЕДРАГА ПИПЕРА

Резиме

Предраг Пипер је изузетни српски лингвиста. У својим многобројним радовима је развијао концепцију семантичке синтаксе, тј. систем погледа на синтаксичке структуре које у себи могу да оваплоћују и преносе когнитивне информације. С једне стране, концепција П. Пипера усвојила је достигнућа светске лингвистике (посебно чехословачке и совјетске славистике). С друге стране, научник је пажљиво анализирао граматичке особности српског језика. Резултат је било целовито учење у коме централно место заузимају: а) опис предикатско-актантних структура, б) разрада система средстава за изражавање семантичких функција и в) систематизација комуникативних категорија које обезбеђују ефикасност говорног чина, као што су персоналност, модалност, каузативност, локализација, темпоралност и др. Посебну пажњу научника привлачиле су категорије које се налазе у фази непотпуне граматикализације: оптатив, дистрибутив, ексцесив и др. За њихово изражавање користе се разноврсна (не само морфолошка) средства. Своје теоријске поставке П. Пипер је илустровао богатом грађом из српског језика, коју је често поредио са другим словенским језицима.